

МИХАЙЛОВА ВИКТОРИЯ

МЕСТЬ ПОРЧЕНОГО

16+

Виктория Викторовна Михайлова

Месть Порченного, или

Как я провел это лето

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54167429

SelfPub; 2021

Аннотация

Пали в битвах Валары. Минули века. На месте зеленых лесов построены мегаполисы. Там, где швартовались эльфийские ладьи, снуют туристы с фотоаппаратами. А молодые эльфы читают книги про людей. Двадцать первый век. Все развлекаются, как могут.

Содержание

Ура! Я еду на игру!	4
Вперед, на полигон!	11
Два мира	18
Полигон	25
Новый пахан	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Виктория Михайлова

Месть Порченного, или Как я провел это лето

Ура! Я еду на игру!

– Ничего не забыл? – голос матери, притворно-спокойный, но в действительности очень недовольный, доносился до меня из «передней».

Так здесь, в Тисираэ, называют место перед входной дверью. У нас в доме она, скорее, боковая. Так бывает, когда твоим далеким предкам уперлось поселиться в историческом центре с видом на море. В старых районах, таких, как наш, раньше действительно были прекрасные виды из окон. У нас вообще из всех комнат вид на залив, а сам дом вырублен в скале, чтобы фасад освещался розовым утренним светом. Но потом порт разросся, стал серым. И теперь гавани «серые», хотя по документам все ещё «Розовые». А я – гордый внук хозяина крошечных и неудобных апартаментов в центре старого имперского района, ставшего в наши дни рабочей окраиной. Хотя даже у нас на задворках относительно чисто и народ приветливый. Возможно, из-за близости гавани, а может от пресловутого родства местных жителей с

легендарными Перворожденными. Тисираэ – город культурный, читающий, верующий. Театрально-богемный. Политкорректный и терпимый ко всякого рода инакомыслящим. А что вы хотели от портового города, стоящего на Вечном море?

Так что вид у нас из окон «замечательный». Между нашей исторической скалой и морем стоит два ряда панельных одноподъездных «щепок», построенных в середине прошлого века для портовых рабочих. А за ними «лес» из грузовых кранов и огромных кораблей. Ещё мы всей семьей много лет гадаем, чем же здесь так воняет? И пока что не пришли к окончательным выводам. Я мельком глянул в окно, отметил, что подъемные краны издали похожи на сражающихся за добычу гигантских животных, и снова уткнулся в рюкзак. Конечно, в туристической части порта море почище. Берега одеты в серебристый морской камень. И даже пришвартован навечно у берега корабль в виде лебедя. По мне, так это жуткий китч. Место для фотографирования. А этот уродский парусник слишком маленький и тяжелый, чтобы куда-то плыть. И вообще, весь этот псевдоисторический антураж ужасно раздражает. Мы здесь живем, как будто в театральных декорациях. И на каждом углу одетые в белое эльфы с длинными волосами и в коронах времен Великих Королей. Для тех, кому интересно, ДА, ЗИМОЙ ТОЖЕ. Только под невесомыми, якобы мифриловыми доспехами и тончайшими туниками в пол актеры носят шерстяные свитера, стеган-

ные штаны и валяные тапочки, в изобилии продаваемые на гномьих развалах. Я сам так подрабатывал, когда учился на первом курсе. Намерзся на всю оставшуюся жизнь.

Рюкзак оказался неподъемным. Я вздохнул, и принялся выкладывать скарб обратно на пол. Вот у гномов эволюция шла «от тяжелого к легкому». В ходе мировой истории они постепенно сменили свои тяжелые кольчуги и шлемы на лёгкий армейский камуфляж и бронежилеты. Мы, эльфы, простых путей не ищем. И, утратив секрет производства легчайшего и прочнейшего металла мифрила, перешли на обычные для всего остального мира сталь, кеврлар и пластик. Глобализация, однако. В итоге рюкзак пришлось перетрясти сверху донизу. Самое тяжелое я, как любой приличный турист, положил на дно. Игровой пистолет и высокие армейский ботинки со стальными носами. Все это завернуто в бронежилет. Игровой, но выглядит, как настоящий. А весит, как два. Вся моя игровая одежда ужасно тяжелая. Раньше, когда я жил на подачки от родителей, у меня все было скромное, дешевое и легкое. Сейчас я подрабатываю, и могу себе позволить кое-что покупать. Не самого лучшего качества, но и сам уже ничего не мастерю. Все, кто думают, что эльфы склонны к тонкой изящной работе по дереву и металлу, просто мерзкие расисты. Мои руки гордо растут из пятой точки, и обычно сработанные ими поделки никому нельзя ни продать, ни даже подарить.

– И на какую глупость ты в этот раз потратишь дни своего

отдохновения? – ворчит мама, не ожидая от меня ответа.

Дни отдыха! Вот, когда начинается настоящая студенческая жизнь! В эти благословенные три месяца ролевик дикий – обыкновенный, вроде меня, успевает прожить несколько жизней. Я, конечно, не ухожу полностью в мир своих фантазий. Все, что должен, делаю. Худо-бедно, выучился стрелять из лука и неплохо грести веслами на физкультуре в школе. Средненько готовить на уроках домоводства. На этом сходство с моими далекими предками заканчивается. И если на танцы меня родители все же загнали общими усилиями, то от предложения научиться ходить на лыжах я отказался вполне осознанно. Правда, ну сколько можно?! Почему, если предки современных эльфов пришли на материк по снегу, я должен отморозить себе пятую точку? Хоббиты же не ходят босиком до сих пор! Ладно, не будем о грустном. Я подумал, и принялся старательно рассортировывать весь игровой хабар на два рюкзака. На месте сразу переоденусь. Тогда одна сумка у меня освободится, а во второй я везу всякую легкую мелочь и еду. На себе от стоянки до шатра как-нибудь дотащу. Там недалеко.

–А тебе обязательно так странно стричься летом? – мама устала сердиться издали, и заглянула в комнату.

– Ма, – недовольно отмахнулся я, – это только на одну игру. Роль такая, понимаешь?

– Ты бы в храм так старательно собирался, – проворчала она, и вышла, нарочно громко вздыхая.

Я поднялся и подошел к зеркалу. Ну да, нормальный эльф так коротко не подстрижется. И в районах, населенных орками, за такие волосы могут и поколотить. С другой стороны, от этих отморозков можно получить за все вообще, начиная от коротких волос, заканчивая кроссовками модной расцветки. При том, как они сами выглядят, это странно. Не думаю, что орки вообще отличают эльфов от людей, к примеру. Хотя для меня, так люди отличаются, и ещё как. Не только формой ушей, как может показаться. Тем более, что уши у современных эльфов значительно уступают ушам их средневековых предков. И это научно доказанный факт. В этом я действительно разбираюсь, потому что учусь на криминалиста. Кожа и волосы у эльфов немного светятся в темноте. Это жутко неудобно, когда речь заходит о ночной бевке, или возвращении домой в темноте через орочьи районы. Эльф никогда не будет рельефным качком, как бы он не старался. Зато мы не боеем. Люди же не вылезают от зубного лекаря. А у гномов проблемы с позвоночником. Это не расизм, это наука.

Расизм, это заявлять, что все гномы должны идти после школы в ремесленное училище. А потом зарываться в землю, или до конца жизни трудиться на каком-нибудь металлургическом заводе. У меня на факультете гномов полно. Люди тоже учатся, правда, у них условия совсем другие. Понятное дело. Они ведь живут от силы лет восемьдесят. А трудоспособный возраст у них заканчивается где-то в шесть-

десять. Может быть поэтому они все делают быстро? Говорят, едят. Принимают решения. Женятся и рожают детей. Со мной в группе учился парень, который стал отцом в двадцать! У меня в мои двадцать даже девушки нет. Хотя сейчас есть и разводы, и искусственное оплодотворение для эльфов. Аборты для людей, кстати, тоже. Просто, похоже, об этом не все знают.

Уже на пороге мама вновь окинула меня страдальческим взглядом и устало протянула мне толстую книгу в дешевом переплете. «Мечь Порченного». Ну да, чуть не забыл.

– Я не могу понять твоих увлечений, сын мой, – она грустно глянула на обложку с одетым во все кожаное огромным бугаем. Коротко стриженным, лишенным части зубов. И с таким огромным пистолетом, что невольно задумаешься о половой несостоятельности его обладателя. Я вздохнул и опустил глаза. Читением морали должен заниматься мой отец, а он сейчас на работе. И когда я окончу академию, меня тоже ждет тяжелый и местами нудный труд стража. Между прочим, пожизненный. Что в моем случае следует понимать, как «вечный». Если, конечно, я не устану от мира, и не соглашусь на эвтаназию.

– Могу я хотя бы сегодня покинуть дом без нотаций? – я как можно приветливее улыбнулся, – это моя последняя игра. А потом экзамены, работа, рутина и вообще все, как вы с отцом любите.

– Если сможешь мне объяснить, – мама поджала губы, –

почему ты поступил в академию стражи, если хотел быть актером? Это почетный и хорошо оплачиваемый труд.

Я задумался. Как я объясню, почему каждое лето уезжаю в лес, чтобы там притворяться человеком?

– Иди уже, – сдалась мама, подставляя мне щеку для поцелуя, – в храм не забудь зайти!

Вперед, на полигон!

Далеко у ворот меня уже поджидали друзья. Ещё одним минусом проживания в историческом центре, помимо заоблачных цен на недвижимость, является отсутствие каких-либо удобств. Вместо лифта у нас строительный подъемник. И когда я говорю «у нас», именно себя в виду не имею. Потому что подъёмный механизм работает только на верхних этажах, а наш дом вырублен на втором ярусе. Ни о каких парковках здесь никто и не мечтает. На мощеную розовым кварцем дорожку молится общество сохранения исторического наследия, и покрыть двор асфальтом нам никогда не дадут. И уж тем более никто не станет сносить белокаменные ворота и следующую за ними лестницу ради моего удобства.

– Мел! – крикнула мне Йени, единственная девушка в нашей компании, – не надрывайся! Я сейчас помогу!

Вообще-то, меня зовут Мелитасий. Но полными именами у нас давно не принято пользоваться. Это по паспорту я Мелитасий, сын Аэрадия. А в миру просто Мел. Метрового роста Йени, дочь Двалина, потрянула рыжей курчавой шевелюрой вместо приветствия, легко закинула себе на плечи тяжеленный рюкзак с моими игровыми доспехами и помчалась за ворота, к машине. Я с завистью уставился ей вслед. Из-за своего роста гномиха не может водить эльфийский автомобиль. Зато любой груз тянет на своих хрупких девичьих пле-

чиках не хуже портового грузчика. Возле машины, вальяжно облокотившись на капот, стоял и ухмылялся Тан. Тананир, сын Тарилайя. Вот, кого невозможно обвинить в отсутствии классической эльфийской мужественности! Тан в жизни своей не станет стричься ради какой-то там игры в людей. Свои русые волосы он холит и любовно отращивает с самого совершеннолетия. А ещё он стрелой убивает муху с двадцати шагов. Поет, аж заслушаешься. Танцует так, что девушки завидуют. Не знаю, хорошо ли он катается на лыжах, но в паломничество на Север с родителями ездит регулярно. Уж больно у них семья религиозная, в отличие от нашей.

– Сейчас Ода дождемся, и можно ехать, – улыбнулся Тан, легонько отстраняя Йени, большую любительницу хлопать дверцей багажника, и преувеличенно нежно закрывая створки над моими вещами.

Я не знаю, почему родители Тана позволяют ему брать машину в лес. В общем-то эльфийская техника для экстремальных поездок по бездорожью не предназначена. И если багажник у такой машины не забит полностью, то она будет подсакивать на каждой лесной кочке, подбрасывая сидящих внутри пассажиров к потолку. Особенно трясет на заднем сиденье. Хотя назвать эльфийские автомобили непрочными нельзя. Они, к примеру, не тонут в воде из-за своего маленького веса. Но и не разваливаются. В общем, хотя секрет мифрила утрачен, но автопроизводители явно что-то недоговаривают. Особенно разница технологий видна рядом

в огромным орочьим внедорожником Ода. В другую машину он попросту не втиснет свои широченные плечи. Да что там, он даже из своего автомобиля выходит так, как будто пиджак снимает.

Од орк. Но не из тех, которые до полусмерти избивают случайных прохожих. Начиная с того, что из нас Од самый богатый. Он вообще на курсе самый богатый, у него отец торговец. И, хотя по эльфийской мерке Од сирота, у него нет матери, сам он себя таковым не считает. Оддарик, сын Каргка, ни в чем не нуждается, хотя отец его нежностями не балует. Лет с шести отправил сынка на заработки, и даже не к себе, а к кому-то из соседей. У них так принято, это вам любой скажет, от орка до человека. Так что был наш Од и битым, и голодным все детство. Зато сейчас отличник. Они вдвоем с Йени бьются за лидерство на потоке. И я даже немного ревную, когда они, поругавшись в академии, отправляются вечером выпить пива.

Ожидаемо, машина Ода к нам во двор заехать не смогла. Он даже припарковаться где-то рядом не смог. Мы об этом узнали по телефону. Смешно искаженный аппаратом грубый голос Ода сообщил нам, что весь не поместившийся хабар он может взять к себе в багажник, но сам не потащит. Машину оставить нельзя. Район у нас, видите ли, небезопасный. Уж молчал бы! Зато наш друг оказался обладателем внеуровневого терпения. Пока мы с Таном зашли в храм, он успел дважды проиграть Йени в шент*, а это не самая быстрая в ми-

ре игра. И в храме я не мог сосредоточиться, все думал, что гномиха, она ведь орку по колено ростом. Но кокетничает с ним, смеется и, кажется, они друг другу нравятся. Во всяком случае, со мной или Таном она себя так не ведет. Хотя, чего я завелся-то? Межрасовые браки бывают. Но обычно между людьми и эльфами. А гномы, они не расисты, конечно. Но... ну, в общем, вы меня поняли.

Начав собираться затемно, к обеду мы оказались на трассе. Люблю это время. Когда, перебрасываясь шутками по радию, мы едем в лес по ровному, хорошо уложенному асфальту. Его тоже гномы кладут, кстати. И бесплатно переделывают, если что случится. А ничто так не противно сердцу гнома, как бесплатная работа. Последний раз я видел ремонт на дороге, когда только учиться поступил, и на первую свою игру выехал. Мы тогда дружили с одним парнем из людей, но потом он к ролевому движению охладел, а вскоре женился. Но компания, в которую он меня привел, осталась, чему я несказанно рад. Только Йени, пересевшая от нас в машину к Оду, меня немного беспокоила. Скучно ей с нами. Эльфийский юмор, он на любителя, а путь не близкий, часов восемь, если не заблудимся. А ещё из-за Йени у нас вся машина шашлыком провоняет. Эльфы – вегетарианцы. А орку норм, и даже за счастье.

Заблудиться мы не заблудились. У Ода, который ехал впереди, отличное чувство пространства и дорогущий навигатор. Это мы с Таном путешествуем в лучших эльфийских

традициях. По принципу: «Мне карта не нужна. Я знаю короткую дорогу». Обычно с этого начинаются наши самые долгие и запутанные путешествия. Зато так я побывал на местах самых известных сражений древности. После таких поездок у нас в машине царит неловкое молчание. Попробуйте в компании двух эльфов, одного гнома и одного орка обсудить Битву Четырех Сил и не поругаться. Чтобы без конца не ворчать о том, кто кому и чего должен, мы раз и навсегда постановили: политики из-за нас не спорят, а значит, и мы из-за них не будем. Всё!

А ещё я очень люблю заезжать на игровой полигон. Так по-научному называется выделенный для всяческого разгула и непотребства участок леса, где нам разрешают резвиться в свое удовольствие. Игры бывают разные. Бывает, что на стоянке пять машин, а сам полигон крошечный. Игроков три команды от силы. Но эта игра из больших. На пару тысяч участников. И многие живут к этому лесу куда ближе нас. Разумеется, когда мы в темноте заруливали на слабо освещенную стоянку, места оставались только по краям. И нести вещи к отведенному для нашей команды участку игрового пространства предстояло довольно далеко. Я все время с грустью об этом думал, пока переодевался в свое игровое. Не скажу, что идти от этого стало легче. Но впереди бодро топала Йени, тоже в кожаной куртке и высоких ботинках. Несла на спине свой гигантский рюкзак намного больше моего. Ну не буду же я ныть при девушке!

По дороге образовалась небольшая пробка из будущих участников. Йени то и дело покрикивала на тех, кто её толкал. Временами приходилось вмешиваться Оду. Ему даже кричать не надо, у него плечи метровые. Он, если захочет, может Йени к себе на руки взять вместе с её вещами. Просто гномиха не из тех, кто легко сдаётся. Она лучше полчаса на пеньке пересидит, чем на кого-то свои вещи свалит. Феминистка она в общем. Но тут по её меркам идти всего ничего. Полигон от стоянки отделяло небольшое озеро, вдоль которого мы сейчас и чалили всей нашей дружной компанией. Кто-то впереди уже начал подвывать всем известную песню, и мы тут же присоединились. Наши, ролевые песни, никто кроме нас не знает. Ролевики, как закрытая секта, обрастают своими традициями, обрядами и музыкой. Зато по этим мало кому известным знакам мы опознаем друг друга в городе. И часто случайно завязавшиеся знакомства перерастают у нас в крепкую дружбу, а то и в любовь.

– Расступись! – слышалось откуда-то сзади. Судя по голосу, какой-то орк требовал освободить для него дорогу. Я машинально подвинулся, даже оборачиваться не стал. Орки, они, как танки. Такой, если захочет, то и через камень пройдет. Не то, что через меня. Но свободного пространства невидимому крикуну почему-то не хватило. По крайней мере, меня он с дороги не спихнул. В какой-то момент я обернулся, и увидел, как его широкоплечая фигура удаляется прямо по воде, медленно поворачиваясь для удобства.

Орк, видимо, решил срезать путь прям по озеру. Брел он нетвердой походкой выпившего и зашел уже довольно глубоко. Этот игрок тоже был одет в кожаную куртку. Значит, как и мы, приехал играть за «бандитов». Потом в лагере узнаю, как его зовут. Смелый парень на задании пригодится.

И вдруг голова смелого орка ушла под воду. Я обернулся посмотреть, не бросится ли кто-то на помощь. Но то ли в темноте на пьяного игрока никто не обратил внимания, то ли посчитали такую ношу слишком тяжелой. Никто не кричал, не указывал рукой на тонущего. Я, стиснув зубы, прибавил скорости и догнал Ода. Он мигом оценил ситуацию и, не раздеваясь, бросился в озеро. А нам пришлось подобрать его вещи и тащиться дальше. Слишком много за нами было народу. Йени все время оборачивалась и даже предлагала вернуться и помочь. Но на самом деле у эльфов с погружением на дно не особо. Кости у нас легкие, полые изнутри. Плаваем мы отлично, а вот с нырянием обычно не складывается. И уже ночью, когда мы прошли, наконец, регистрацию и с трудом добрались до нашей игровой локации, то узнали, что этот незнакомый нам пьяный парень утонул.

*Шент – распространенная эльийская игра

Два мира

Лагерь ставили в темноте. Хотя, «ставили», это громко сказано. Дотащившись до окраины нашей локации, мы разложили свои спальники прямо на земле. Ночи сейчас теплые, а комары пока что не голодные. Обойдемся как-нибудь. Тем более, что спать нам не придется. В первую ночь на полигоне, когда игра ещё официально не началась, все сидят у костров, пьют чай и пиво. Курят ароматный табак. Орут песни и строят планы на ближайшие дни. Многие встречают здесь старых знакомых и принимаются травить ролевые байки. А к концу игры все эти случайно собравшиеся вместе эльфы, орки, люди и хоббиты станут друзьями не разлей вода. Я раньше не понимал, когда слышал от стариков: «Наш отряд вели любящие сердца». Думал, что речь идет о каком-то старинном обычае. Или даже непотребстве, мало ли. Но после первой же игры все встало на свои места.

Я забрался в свой шелковистый спальник веселенькой расцветки, с удовольствием потянулся и уставился в ночное небо. Как и всякий эльф, я люблю смотреть на звезды. И для того, чтобы хорошо себя чувствовать должен хотя бы раз в три месяца босиком пройтись по траве или посмотреть вблизи на снег. К счастью, мне для этого не приходится брать дополнительные дни отдыха. Потребность эльфов общаться с живой природой уже давно заложена в наш религиозный

календарь. Живя в городе, я так или иначе каждую неделю захожу в храм. Какой-никакой, а уголок живой природы в мегаполисе. Там я сколько угодно могу топтаться по свежей траве летом, жухлой листве осенью. Белоснежному снегу зимой и первым весенним цветам весной. Я питаю природу, а она меня. Такой вот симбиоз. Как обстоят дела у моих друзей мне неизвестно. Спрашивать об этом как-то неудобно. Я знаю, что Од время от времени посещает капище. А Йени вроде бы атеистка.

Я прикрыл глаза и прислушался. Лагерь гудел, как летний улей. Про утонувшего парня никто не вспоминал. Скорее всего, о его смерти вообще не было известно никому, кроме стражей и мастеров. Смерть на ролевой игре не такая уж и редкость. Как и травмы, кражи, драки и прочие неприятности, связанные с несоблюдением этикета и техники безопасности. Но на игре все эти новости проходят стороной. Рядовой игрок узнает обо всем много позже, из интернета. Маленькие скромные некрологи мелькают в ряду благодарственных посланий организаторам, объявлений о потерянных и найденных вещах и прочих разнородных сообщений. «Ищу белобрысую эльфийку из кабака», «На полигоне найдены человеческий паспорт и водительское удостоверение. Хозяин – отзовись!». «Ты, тот, кто украл мой пистолет! Чтоб он тебе ногу прострелил!» «Пистолет в траве лежал! Я не виноват! Высылаю почтой». И в самом конце: «Погиб наш товарищ. Да выйдут предки ему навстречу!»

Од вернулся, когда полуночные звезды уже вышли из своего зенита. Устало стянул мокрые вещи. Любовно пристроил свои гигантские ботинки на просушку. Опустился рядом со мной, набросив свой огромный спальник себе на плечи. Прислонился к стволу ближайшего дерева, отчего тот легонько качнулся, и мне на голову посыпались какие-то опилки. Тан давно сидел у костра, распевая что-то немелодичное, явно человеческое на пару с каким-то хоббитом. Йени посапывала, укутавшись с головой в ярко-розовый спальник. А я смотрел на своего друга и ждал, когда он заговорит. У нас не принято соваться собеседнику в душу. Наверное, поэтому эльфов считают заносчивыми. Ещё один стереотип. Но орк молчал, хотя видел, что я не сплю. А может быть, ему тоже нравится просто сидеть рядом. Вовсе не обязательно трепаться обо всяких пустяках, чтобы сблизиться.

И тут я подумал, что в миру, вдали от этого полигона, сделано все возможное, чтобы мы с Одом как можно реже пересекались. Мы учимся в одной группе, но наши столы разделяют несколько метров свободного пространства. Нам говорят, что это для удобства. Орку нужно много места, чтобы никому не навредить. Но любой, кто был в обычном супермаркете, поймет, о чем я. Вспомните, как вы идете мимо забитых товарами полок. Вот милые взгляду любого эльфа развалы с зелеными овощами, мёдом и орехами. Все в очаровательных баночках, милых пакетиках. Узорные бутылки с водой постепенно сменяются обычными. Глиняными, стек-

лянными. Да и между банками с консервированным горохом и фасолью нет-нет, да и мелькнет «Баранина тушеная с каштанами».

Значит, вы преодолели невидимый барьер, и выбрались в зону «для всеядных». Людей, гномов и хоббитов. Здесь ждут своих покупателей консервированные соки и фруктовое варенье. Маринованные огурцы и грибы. Длинные коробки с макаронами. Тушеная свинина и курятина. И то, от чего меня всякий раз бросает в дрожь – мясо лебеда. Не знаю, каково на вкус филе священной птицы эльфов. Йени пробовала, говорит, фигня. Тем не менее, эти полуфабрикаты безмерно популярны. Люди вообще всеядные. Запросто могут отведать мяса собаки, осьминога или лошади. Этих умных и гордых животных. Но их еда хотя бы упакована в банки с бумажными этикетками. Если мне противно, я могу отвернуться и не смотреть.

А вот дальше, там, где Од и его отец покупают продукты себе домой, лежит одно мясо. Оно никак не упаковано. Огромные окорока попросту висят на крюках. Туши быков и овец покачиваются, когда мимо проходит очередной покупатель. Отвратительно воняет гигантская копченая рыба. И живая, тоже огромная, смотрит на мир через не слишком-то чистое стекло тесного магазинного аквариума. Орки не жалуют заморозку. Не покупают еду про запас. Иногда, да почти всегда, их половина магазина отделена от остального помещения небольшим заборчиком. А то и стеной. Им дей-

ствительно нужно много места, чтобы развернуться. Это не значит, что в орочьем магазине нельзя ничего покупать людям или гномам. Я часто вижу человеческих женщин, запи- хивающих в багажник огромных хамон или гигантский мешок мясного фарша. Просто эльфу рядом с орками в про- дуктовом супермаркете делать нечего. Вот мы туда и не хо- дим.

Не лучше обстоят дела и с другими товарами. Вы же ви- дели эти огромные мотки пряжи? Они для орочьих носков, свитеров и шарфов. Хотя из одного такого клубка можно связать шали для небольшой семьи гномов. Чайные чашки размером с ведро и лыжи, из которых при случае можно по- строить мост. И все это великолепие тоже отделено если не стеной, то хотя бы веревочкой. Могут, впрочем, и витрину поперек магазина развернуть. Сами по себе магазины «Толь- ко для орков» огромные. С большими дверьми, широченны- ми проходами между витринами. Вместительными лифтами если они нужны. Эльфы отгораживаются от представителей всех прочих рас изящными стеклянными дверями. А чтобы поглядеть из нашей половины магазина на ту, брутальную, что для орков, нужно купить бинокль.

Кстати о туристическом снаряжении! Йени все время вор- чит, что ей пытаются продать розовые ботинки, рюкзак или камуфляжную куртку. Кому нужна розовая маскировка в ле- су?! А я давно мечтаю о брутальном спальнике в орочьем стиле. Од любит вышитые эльфийские вещи. К слову, имен-

но эти мечты ни у кого из нас не сбудутся. Дизайнеры, как сговорившись, выпускают на рынок все новые «мифриловые» топоры и пилы. Меня даже не спрашивают, хочу ли я рубить дрова чем-то легким, голубого металла с радужным отливом. Со скользкими рукоятками, покрытыми причудливой резьбой. У меня просто нет выбора. Для эльфа слишком тяжел даже простой человеческий топор. А привычный перочинный нож Ода выглядит в моих руках, как оружие из фильма ужасов. Но дело даже не в том, что нам вечно предлагают какие-то «традиционные» решения. А в том, что никогда отдел для орков и для эльфов не будут соседствовать ни в одном магазине. Их всегда разделяют витрины «для всех остальных».

Од все время поглядывал на меня и тяжело вздыхал. Пришлось тоже выбраться из спальника, и притулиться рядом. Значит, ему так проще.

– Его звали Аркс, – почти сразу же заговорил орк, – я из мастерки сразу к нему в лагерь пошел. Надо было его девушку как-то утешить. И друзей. Вроде как я виноват. Не заметил вовремя, что он тонет. Не смог вытащить. Всегда думал, что справлюсь. Вон я какой большой! А на деле что?

– Неужели там так глубоко? – удивился я.

– Прилично, – кивнул Од, – Аркс как раз в яму угодил. Я нырять начал, и даже под водой за что-то зацепился. Думал, куртка. А оказалось, что рюкзак.

– Ты не виноват, – я похлопал друга по плечу, – это просто

цепь дурацких совпадений. Никто не заставлял этого парня пьяным штурмовать вброд озеро. Дошел бы как все.

– У тебя просто завышенное чувство долга, – проворчала из своего спальника Йени, – кончайте ляды точить, спать мешаете.

Полигон

Меня разбудил солнечный луч. И сразу всю тревогу вчерашнего вечера как рукой сняло. Эх, будь моя воля, с роду не жил бы в городе! Сердце мое тяготится той теснотой и серостью, которую дает так любимая стариками крыша над головой. Что может быть приятнее, чем пробуждение от легкого порыва ветра или нежного прикосновения солнечного блика? Ни одна музыка не сравнится для меня с шумом ночного дождя. И мало какой аромат так же привлекателен, как запах горящего костра зимней ночью.

Рядом смешно посапывала Йени. Из копны рыжих кудрей я видел её забавно приподнятую губу и два передних зуба. Она такая милая, когда спит. Совсем не похожа на тот концентрат ярости, в который обычно превращается на играх. Это из-за того, что гномиха маленькая. Ей приходится потрудиться, чтобы быть принятой всерьез. Это мы с ребятами знаем, что она выбивает десять из дести по движущейся мишени на скорость. А остальные почему-то нам на слово не верят. Сомневаются. Я приподнялся на локте и осмотрелся вокруг. Тана нигде не было видно, но его шатер уже стоял под деревом собранный. Од старательно размазывал по своей лысой макушке светло-бежевый густой крем, сидя за складным туристическим столиком. Вернее, столищем. Это же из орочьего магазина. А видели бы вы его шатер!

Это трехкомнатный дворец. Ещё у него огромный ящик с хорошим театральным гримом и целая куча баночек с искусственной кровью. Он сильно заморочен по игровому антуражу.

Игровая локация делится на две части: непосредственно игровую, и «пожизню», место, где стоят шатры, готовится еда, чинится антураж и как попало валяется всяких не игровой хлам. На игровой половине происходят все основные события локации. Её убранство зависит от способностей её обитателей, наличия у них свободного времени на постройку стен и оборонительных сооружений и материального положения собравшихся. Те, кто много работает, учится или ленится, и приезжают прямо к началу игры, на строительство не попадают. Приходится платить игровой взнос чуть больше, зато приезжаешь на все готовое. Мы никогда не приезжали на стройку, хотя я был бы не прочь.

Ещё я мечтал хоть раз в жизни поиграть в большой команде. Там, где пятьдесят или больше ролевиков выстроили себе огромный город со всякими крупными магазинами и заводами, барами, стриптизом и хорошей тюрьмой. Но в такие локации меня ни разу не приглашали. Приходится довольствоваться маленькими городами, отдаленно расположенными от игрового центра и мастерятника. Пока непонятно, да? Сейчас попробую объяснить. Вы читаете фэнтези? Весь этот бред про бандитские разборки в мире, населенном только людьми. Обычно эти книги в переплетах разной сте-

пень твердости стоят в отделах человеческого авторства. Ну да, кто ещё станет придумывать многочисленные миры, где нет ни гномов, ни эльфов ни орков?

Уж не знаю, чем меня, эльфа, будущего стража, так привлекает эстетика криминального мира. Наверное тем, что в реальности она практически недостижима. Это сейчас Тан, уйдя на приличное расстояние от лагеря, пристреливается по мишени из автомата с оптическим прицелом. Он обычно на такие игры киллером заезжает. А Йени – королева массовых бандитских разборок. Од со слишком уж интеллигентным для орка лицом сейчас гримируется. Закрашивает свою сероватую кожу тональным кремом, чтобы стать максимально похожим на человека. Огромные нижние клыки не в счет. На играх такие мелочи обычно не учитываются окружающими. Главное достоинство нашего орка в том, что после всех ухищрений рожа у него станет бандитская. А сам он полностью перевоплотится в бойца маленькой криминальной группировки. В жизни же эти трое и мухи не обидят, в отличие от персонажей книги. Читали «Порченного»? Если нет, то хотя бы слышал.

Серия «Порченный» одна из самых известных в ролевой среде. Про парня, который оставшись сиротой, долго мыкался по улицам. Времена были беспокойные. Один социальный строй сменялся другим, бандитским. Мальчик голодал, бродяжничал, нюхал клей и набивал кулаки. А потом связался с какими-то шестерками и попался на воровстве. На задержа-

нии ему повредили глаз, а на суде продажный полицейский заявил, что это «порча». За что в камере мальчонка и получил свою кликуху. Первая книга серии посвящена тому, как герой мотал по малолетке, и как не давал себя зачмырить сокамерникам постарше. Под конец Порченного переводят на взрослую зону, где его замечает и берет под свое крыло старый авторитет по кличке Дед.

В этот раз мы играем по второй книге этой же серии. В ней Порченный, уже отмотавший второй срок узнает, что его наставник, Дед, убит. И в смерти престарелого авторитета сокамерники винят его. В итоге от Порченного отвернулись кореша. Он не может получить свою долю из общака, куда исправно отстегивал. Его бросает красивая молодая «шкура». Захватывающе, короче. Так вот, полигон, или все скопище маленьких и больших игровых локаций, представляет собой как бы кусок родного для бандита Порченного мира. Понятно, что разместить на небольшой площади все упомянутые в книге города, оплетенные сетью железных дорог, невозможно. Поэтому берутся главные и самые крупные населенные пункты. Столица, второй основной город-соперник, и пара-тройка маленьких провинциальных городов, в одном из которых и обитает на игре моя команда.

Чтобы создать дополнительную движуху, мастера (ребята, которые сами не играют, но все нам тут организывают, доставляют и оформляют в лучшем виде) ставят на полигоне ещё несколько обособленных путевых точек, не привязан-

ных к городам. Например, центральный ресторан. Здесь собираются банды со всего полигона, певцы, всякие приключенцы. Тусуются проститутки. Разумеется, игровые. Секс на играх, как и смерть, и вообще любое игровое действие чем-то отигрывается. То есть, изображается, но не происходит. Ладно, у меня не происходит. Я довольствуюсь массажем, медом или тем, чем не очень противно заниматься девочкам всю игру с потными грязными парнями вроде роевика трехдневного разлива. Кроме центрального ресторана может быть ещё несколько «малин», где тоже будут девки, карты, игровая наркота, и где строят всякого рода заговоры. Кроме того, отдельной игровой точкой выступает страна мертвых – мертвятник.

И чего только не происходит в мертвтнике! Начиная с того, что отбыть к своему посмертному существованию просто так игрок не может. Он должен повязать на голову белую ленточку. Эта метка означает, что ролевик сейчас находится вне игры. Умер или идет к мастерам в их специальную локацию – мастерятник. Игровая смерть и разного рода походы к мастерам происходят на играх часто. Надо ли объяснять, что под конец игры многострадальный белый хайратник становится совершенно черным? Находясь в мертвятнике, его можно снять, чтобы не так сильно пачкался. Лично я не люблю просто так просиживать штаны после «смерти». Хорошие мастера строят игровой процесс так, чтобы из мертвятника можно было выкупиться, исполнив определенные работы на

игре. К примеру, помыв посуду в центральном ресторане два часа. Или, если смерть настигла тебя ночью, можно поработать серийным убийцей на полигоне.

Кстати, будете на игре, обязательно посвятите одну ночь боевке или бесцельному брожению по локациям. Узнаете много интересного о тех, кто живет в другом конце страны. Поговорите, поорёте вместе песни, поедите незнакомую еду. Не все родевики заезжают на игру бандитами. Да, игроки опытные и продвинутые в плане боевки и всякого рода интригах, занимают ключевые роли. Лично я не знаю, как на них пробиться, а теперь уже не узнаю никогда. Но приезжают и просто людьми. Хозяевами торговых точек, работниками игровой тюрьмы и милиции. Даже фермерами. Ролевики бывают весьма взрослыми, и выезжают на полигон целыми семьями. Обычно так могут развлекаться только те, у кого летом время отдохновения или в целом работа со свободным графиком. Блогеры, фотографы, прочие свободно занятые специалисты.

Поняв, что больше валяться уже нельзя и пора приводить свое брненное тело в порядок, я нехотя выпростался из спальника и побрел умываться. Мне не нужно мыло или чистая вода. Я могу даже пить из не совсем чистой реки. Мне ничего не будет. Кстати, это большое везение, получить место для локации возле водоема. Всегда можно постирать вещи, отдохнуть в тени, любуясь бликами на воде. Искупаться, не проходя в оба конца по пыльной дороге. Опять же, ночью во-

да приятно шумит. Эльфы слышат в этих переливах музыку или тихую беседу. Я на миг замедлил шаг, чтобы послушать лес. Что за чудо, утренняя песня леса!

В воде по колено стоял Тан. Исподнее мокрое, глаза закрыты, на голове венки. Ну, понятно! Его Родина послала прицел отрабатывать, а он тут молится! Я тоже вошел в воду. Плеснул себе в лицо, с удовольствием ловя пальцами упругие струи на глубине, чувствуя под ногами плотный мокрый речной песок. Ко мне тут же подплыла стайка мелкой речной рыбы. Так всегда происходит, когда эльфу случается зайти в воду. А если ненадолго присесть где-то в поле, могут придти в гости мыши или ежик. В свободное время я люблю смотреть на белочек. Это мои любимые лесные обитатели. Забавные, лохматые, рыжие и шустрые. Может, поэтому мне так нравится Йени? Которая вот-вот проснется. Три, два, один...

– ГДЕ ВАС НОСИТ!!!!!!! – послышалось из-за кустов.

Новый пахан

Йени с остервенением возилась в ворохе оранжевой материи. Отпихивая ногой свой спальник, она старательно продевала алюминиевую стойку в узенький чехол для каркаса. Мы с Таном спокойно прошли мимо. Не потому, что не хотели ей помочь, или плохо воспитаны. Просто мы слишком хорошо знаем свою подругу. Она не примет помощь не только от нас, но даже от собственных родителей. В нашей компании Йени единственная приезжая. В Тисираэ она перебралась из маленькой шахтерской деревни, и живет на съемной квартире вместе с двумя такими же сельскими девчонками. И ещё она работает. Не подрабатывает, а именно работает. Охранницей в стрелковом клубе. Жалование у неё приличное, и отдохновение всё время летом. К тому же стрелковый тир со всеми наворотами в её полном распоряжении. Стреляй, хоть круглосуточно. Вот она и стреляет.

– Од, – мурлыкнула Йени, любуясь на свою работу, – я у тебя в палатке переоденусь?

– Да хоть всю игру живи, – улыбнулся тот, – потом шею мне сзади накрасишь?

На самом деле у гномихи есть своё туристическое жилье. Маленькое оранжевое недоразумение, притулившееся между корней молодого дуба, это и есть палатка Йени. Палаточка. Гробик одинокого туриста. Одноместное полупро-

зрачное создание, в котором гномиха ухитряется помещаться вся, и даже с рюкзаком. Причем если брать в целом, то именно у гномов самое дорогое и навороченное туристическое снаряжение. Простые смертные и бессмертные довольствуются шатрами, где нет пола. А гномы создают у себя на фабриках настоящие палатки. С прочным дном, вентиляцией и отоплением. Зачастую помимо тента, хитроумной системы каркасов и колышков в ней будет солнечная батарея, или даже душ. Очень часто эти высокотехнологичные модули снабжены креплениями на крышу внедорожника. Есть только одно «НО». Сами гномы в этих палатках не живут. Никогда их не покупают, да и туризмом обычно не увлекаются.

Так же обстоят дела со специальными машинами для гномов. Если вы видите на улице нечто прозрачное, овальное, с джойстиком вместо руля, с тремя или пятью колесами, знайте: какой-то хоббит купил машину, сделанную гномами. Стоить такое чудо может, как два орочьих внедорожника. Эта крошка умеет сама парковаться. В ней уже есть встроенный навигатор, микроволновка или маленький телевизор. Работает, как водится, от солнца, ветра на худой конец заряжается от обычной розетки. При этом её конструктор колесит по округе на велосипеде, доставшийся ему от дедушки. Да и дед его не купил, а смастерил у себя на заводе из отходов. У Йени, кстати, тоже был такой велосипед. Трехколесный! Есть кое-что, что вы должны знать о гномах. Они жадные.

Хотя, это же стереотип? Скажу иначе, гномы экономные и склонны к накопительству. Что, кстати, не мешает им очень много есть.

Возле столика, за которым сидел Од, остановился высокий плечистый парень-человек. Судя по «золотой» цепи и нескольким внушительным перстням на пальцах, местный авторитет. Я окликнул его и спросил, не хочет ли он принять нас в банду. Выскочив из орочьего шатра, как из величественного храма, Йени прихватила волосы обыкновенной резинкой, и тоже сунула «пахану» свой игровой паспорт. Заселившись на полигон и выплатив мастерам игровой взнос, ролевик получает на руки некий заменитель документов. В таком паспорте обычно пишут игровое имя и статус, а так же отмечают карьерный рост, если он у вас происходит. В случае игровой смерти этот паспорт уничтожается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.